

Вестник Ивановского государственного университета.
Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 131—140.
Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 2. P. 131—140.

Научная статья
УДК 94(47).084.9
EDN <https://elibrary.ru/oufuaz>
DOI: 10.46726/И.2026.2.16

«ТОВАРИЩ СТАЛИН, ПРОСТИТЕ ЗА ДЛИННОЕ ПИСЬМО...»: ВЛАСТЬ И СОВЕТСКОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ (1952—1953 ГГ.)

Кирилл Александрович Юдин

Ивановский государственный химико-технологический университет,
г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Аннотация. Статья продолжает традиции изучения феномена «писем во власть». Новизна исследования заключается в предпринятой попытке детально рассмотреть относительно узкий хронологический срез — письма, отправленные на имя И.В. Сталина в последние годы его жизни — 1952—1953 гг. с учетом сформированного историографического задела, методологии изучения повседневности, интеллектуальной истории. Преимущественное внимание уделено эго-документам, авторами которых выступали представители научно-педагогической интеллигенции разного статуса — академики И.И. Шмальгаузен, П.Л. Капица, Л.А. Орбели, И.И. Презент, или люди, чей жизненный путь наиболее репрезентативно отразил институционально-политические трансформации периода позднего сталинизма. Делаются выводы о том, что эпистолярному дискурсу была свойственна амбивалентность. Воспроизводились генерированные и инкорпорированные властью в массовое сознание формы ритуализированного нарратива и диалога. При этом на материалах отдельных фрагментов биографий из взятой выборки показано, что, несмотря на наличие стандартизированной лексики, письма содержали индивидуализированные стратегии самозащиты. Они проявлялись в инструментальном использовании практик «критики и самокритики» для смягчения уже предъявленных обвинений, или создании своеобразного коммеморативно-имагологического «стенда», направленного на запуск механизма реабилитации в системе партийно-политического контроля.

Ключевые слова: поздний сталинизм, идеологические кампании, партийно-политический контроль, «письма во власть», интеллектуальная история, интеллигенция, имагология, социальная память

Для цитирования: Юдин К.А. «Товарищ Сталин, простите за длинное письмо...»: власть и советское общество в эпистолярном дискурсе (1952—1953 гг.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 2. С. 131—140.

Введение: постановка проблемы, теоретические аспекты

Феномену «писем во власть» в новейшей историографии уделяется значительное внимание [Орлов; Попова]. Об этом свидетельствуют многочисленные научные публикации, профессионально составленные сборники документов [Последние письма Сталину]. В них осуществляется масштабная репрезентация различных проявлений «голоса народа» с учетом теоретико-методологических ориентиров интеллектуальной истории, культурной антропологии, имагологии, истории повседневности и так далее [Зубкова; Пушкарева, Любичанковский; Иллерицкая; Руцинская].

© Юдин К.А., 2026

Особую разновидность корреспонденции составляют письма, отправленные непосредственно лидеру страны — И.В. Сталину. Некоторые из них, как полагают исследователи, можно считать «исповедальной формой самосознания советской интеллигенции» [Зайцев]. С этой концептуальной оценкой вполне можно согласиться, поскольку даже неоправленные письма [Мозохин], или по тем или иным причинам не прошедшие отбора [Волобуев], сохраняли и информационную, и интеллектуальную ценность, запечатлевая уникальные эмоционально-когнитивные состояния, обусловленные «мозаичностью социального пространства» [Попова]. В связи с этим данную проблематику нельзя считать завершённой не только по причине регулярного пополнения источниковой базы по новейшей истории эго-документами, но и в силу того, что интерпретация образа «уходящей натуры» [Кобозева: 35—36], по существу, носит неисчерпаемый характер. Кроме того, требует дополнительного изучения и обладает особой актуальностью специфика эпистолярного дискурса не только во время открытых военных столкновений, но и в период катаклизмов, конфликтов особого, «холодного» типа [«Враг номер один»]. Именно в период так называемой «ранней холодной войны» (1946—1953) происходило, безусловно, влиявшее на информационно-когнитивный модус писем дальнейшее идеологическое конструирование советской идентичности, которая строилась «вокруг формирования образа СССР как наиболее эффективного и справедливого общества в мировой истории, коренным образом отличающегося от капиталистических стран» [Рябов: 36, 38].

«Товарищ Сталин, простите за длинное письмо...»

На последние годы жизни И.В. Сталина (1952—1953 гг.) приходится завершающий цикл соответствующего периода — позднего сталинизма, когда основной эффект и «ударная волна» идеологических кампаний и дел — по борьбе с «безродным космополитизмом», «низкопоклонством перед Западом», «формализмом» в культуре и искусстве, «ленинградское дело» и его региональные отголоски (см.: [Генина, Овчинников]) — в целом завершились, но наступила фаза *мнимого* затихания. В это время руководством страны поощрялся «учет компрометирующих материалов» [Хлевнюк, Горлицкий: 27], сохранение «ординарной» бдительности и адресно-персональные «разоблачения», дисциплинирующие атаки в отношении тех, кто уже представлял меньшую «опасность», либо не представлял никакой, но просто пока (или уже) не вписывался в конъюнктуру, или нарушил «правила игры» в номенклатурной системе.

В этот период на имя Сталина продолжали поступать письма от разных категорий населения, в немалом количестве — от научной-педагогической интеллигенции, представители которой пытались не просто ритуально «исповедаться». Они надеялись получить реальный ответ не обязательно лично от вождя, но хотя бы от любой «высшей инстанции», как им действовать, оценивать свое прошлое, защитить настоящее в условиях комплексной институционализированной опеки, сохранения напряженности, политического контроля в ходе реорганизаций партийно-государственного аппарата, сопровождавшихся борьбой за стабильность и на региональном уровне [Юдин]. Показательным в этом отношении можно считать письмо отстраненного от должности заведующего областным отделом народного образования (облоно) Кировской области А.С. Ходырева, написанное на имя И.В. Сталина в сентябре 1952 г. В этом эпистолярном документе он, как отмечается в историографии, раскрывал суть «непартийных методов в отношении руководящих кадров», применявшихся новым первым секретарем обкома А.П. Пчеляковым, инициировавшим «чистки»

аппарата обкома для «укрепления личной власти» [Егоров, Чупина, Зарубина, Синько, Шиловцев: 298, 300].

Некоторые из писем, действительно, были достаточно объемными. Например, письмо (от 18 июля 1952 г.) Надежны Николаевны Локтевой (1907 — ?) из Ленинграда — учителя русского языка и литературы, директора, педагога-организатора различных школ, затем вузовского преподавателя, которого, как тогда говорили, «выдвинули на ответственную работу» в качестве заместителя председателя исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся, — занимает более десяти листов. В нем героиня повествует о катастрофической ситуации, личной экзистенциально-политической драме, когда партколлективом обкома ей было предъявлено 12 пунктов (по ее собственным подсчетам) обвинений. Причиной претензий стала чрезмерная самостоятельность, нонконформизм, вызвавшие неудовольствие со стороны вышестоящего руководства, решившего использовать все ресурсы для «проработки», а затем и устранения из этого звена властных структур. «Некоторые факты, — признавалась Локтева, делаясь опытом работы в исполкоме, — приводили меня в недоумение, некоторые в какое-то состояние внутреннего раздражения и протеста, некоторые даже влекли за собой мой внешний протест в виде открытых высказываний на заседаниях. О последствиях я не думала, говорила то, что мне велела совесть». Судя по ее дальнейшим свидетельствам, примеров, когда она пыталась препятствовать реализации решений исполкома, «ищущих вразрез желаниям населения» [Последние письма Сталину: 179—180], накопилось довольно много.

В итоге был запущен проверенный механизм «инструментализации фактов в репрессивных целях» [Блюм: 267]. На основании поступившего анонимного письма Н.Н. Локтева сначала получила от бюро Ленинградского горкома ВКП(б) строгий выговор за «разглашение государственной тайны», за то, что она имела неосторожность поделиться впечатлениями о встрече с английской писательницей М. Фелтон. Затем произошла трансформация «образа своего» в «социально-чуждого элемента». Самыми «легкими» обвинениями были «контрреволюционная настроенность», проявившаяся в виде склонности к сектантству, посещение церкви в детском возрасте, торговая деятельность отца в годы НЭПа, а наиболее серьезными — «восхваление» «врагов народа» — своего научного руководителя во время учебы в аспирантуре, литературоведа, доктора филологических наук, профессора Г.А. Гуковского и расстрелянного в 1950 г. фигуранта «ленинградского дела», бывшего секретаря Ленинградского горкома и обкома ВКП(б) П.С. Попкова. «Дело ведется так, — далее сообщала Н.Н. Локтева, — чтобы запугать меня, принизить, забить. Это до некоторой степени удается, я не сплю ночами, я ничего не могу есть, мгновенная рвота лишает меня пищи» [Последние письма Сталину: 185].

Для нашего исследования данный психолого-коммеморативный срез представляет особую ценность, поскольку многие письма отражали тревожно-ажитационное эмоциональное состояние, связанное с ощущением высшей несправедливости государственной политики памяти, которая не принимала в расчет никакие заслуги человека перед страной, Родиной: «Товарищ Сталин, если в Ленинграде предъявляется самое страшное обвинение, то оно обязательно называется связью с бывшим антипартийным руководством. Это даже вызывает страх, сразу запугивается человек. Ленинградцы, перенесшие все ужасы блокады, уже не считают это честью, вернее бояться, так как это было при враждебном руководстве. Это вроде как не героизм, а позор» [Там же: 184]. Целесообразно процитировать и далее: «Наверное, я, мать единственного ребенка, просившего корочку хлеба и распухшими от голода ручонками коловшего щепки, чтобы сварить на печурке бурду <...>

наверное, я, зарывшая в братских могилах труп матери, мужа и сына, узнав о злодеяниях Попкова, буду его хвалить и защищать. Помогите, товарищ Сталин» [Там же: 185]. Идеологизация политики памяти, усиление информационно-имагологического контроля подтверждается и архивными документами. В феврале 1950 г. управляющая псковской областной конторой «Главкинопрокат» Э.П. Теллинг получила от бюро обкома выговор «за притупление большевистской бдительности». Это стало следствием поступивших жалоб от зрителей киножурнала «Ленинград встречает победителей», усмотревших в кадре представителей «ленинградской антипартийной группировки» А.А. Кузнецова, П.С. Попкова [Выписка из протокола, л. 35].

Письма, составленные представителями научно-педагогической интеллигенции высшего звена — крупными учеными, пострадавшими от идеологических кампаний, были несколько более сдержанными, но также передававшими и психологическое, и интеллектуальное напряжение. Показательны обращения к Сталину известного ученого-биолога, теоретика эволюционного учения, академика АН СССР И.И. Шмальгаузена и академика ВАСХНИЛ И.И. Презента, претерпевавших по итогам сессии 1948 г. Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В.И. Ленина (ВАСХНИЛ), нанесшей тяжелый удар по отечественной генетике, контрольно-репрессивные санкции и связанные с ними ограничения творческой и жизненной активности. «Дорогой Иосиф Виссарионович, — писал Шмальгаузен 25 июля 1952 г., — на днях исполняется 4 года со времени моего осуждения на сессии ВАСХНИЛ. Я был снят с работы и до сих пор полностью устранен не только от педагогической и научно-организационной, но и от научно-общественных обязанностей <...>. На сессии меня выставили и осудили как “главу советской школы менделистов-морганистов” <...>, в университете я снят с работы за “борьбу против мичуринского учения”, хотя я никогда с ним не боролся, но, наоборот, всегда давал высокую оценку как работам самого И.В. Мичурина, так и положительным достижениям его последователей...». В продолжении И.И. Шмальгаузен по сложившейся традиции выражает готовность «выступить с самокритикой в печати», однако находит мужество, чтобы попытаться «прояснить недоразумения», показать «недобросовестность некоторых критиков». Это было расценено как продолжение идейно-теоретического «фрондирования». В справке, подготовленной на имя Г.М. Маленкова и датированной 30 августа 1952 г., говорилось: «Письмо Шмальгаузена показывает, что он продолжает отстаивать реакционные антимишуринские позиции в науке, не желает критически отнестись к допущенным им серьезным ошибкам в биологической науке» [Последние письма Сталину: 196, 97, 201]. В более вынужденно «подобострастном» ключе было выдержано письмо И.И. Презента, в котором он просил вождя дать ему «возможность в рядах партии искупить свои ошибки и оправдать доверие партии» [Там же: 204].

Пострадал и другой известный советский ученый, последователь, ученик и ближайший соратник И.П. Павлова — академик Л.А. Орбели, обвиненный в «идеализме» и причисленный к «антипавловцам». В отправленном в декабре 1952 г. письме И.В. Сталину, очевидно ставшим итогом ранней рефлексии и размышлений [Назарцев], он просил пересмотреть оценку его деятельности и научной позиции: «Дело в том, — объяснял он, — что я не могу согласиться с утверждением критики, будто я провожу идеалистические взгляды и стою на точке зрения психофизиологического параллелизма. Не могу согласиться также, что пути изучения высшей нервной деятельности человека, на которых я стоял и стою, идут вразрез

с учением моего великого учителя Ивана Петровича Павлова, хотя, может быть, в частностях отличаются» [Последние письма Сталину: 372].

Более решительно защищали Л.А. Орбели сотрудники его научных групп и лабораторий — кандидаты биологических наук З.И. Барбашова и А.В. Ясенецкий, которые решительно протестовали против организованной травли своего учителя и фактического отождествления обвинений в создании «антипавловской группировки» с «антисоветской деятельностью». В обстоятельном письме, датированном 2 ноября 1952 г., они обрисовывали мрачные будни политизированной научной повседневности, в частности, обстановку на Научном совете по физиологии при Президиуме АН СССР в июне 1951 г., когда, по их словам, у Л.А. Орбели произошел срыв, «приведший к тяжелому невротическому состоянию», который был вызван неэтичным поведением его коллег. «На другой день председательствующий академик К.М. Быков, открывая заседание, обратился к Л.А. Орбели с заявлением, сделанным в откровенно грубой и оскорбительной форме <...>. Л.А. Орбели потерял самообладание. Все, что произошло на следующих заседаниях, носило характер хладнокровного избияния шестидесятидевятилетнего человека, потерявшего способность управлять своими мыслями» [Там же: 368].

Масштабный отклик вызвали у широкой общественности, научно-педагогической интеллигенции последние работы кремлевского диктатора — «Марксизм и вопросы языкознания», сборник статей «Экономические проблемы социализма в СССР» (1952), появление которых сопровождалось инспирированными «сверху» дискуссиями по различным отраслям научных знаний. Причем серьезность намерений и мотивов составителей писем, в которых излагались просьбы прояснить актуализированную и легитимированную властью «дискурсивную трактовку» перспектив развития той или иной науки, теории или практики «социалистического строительства», вряд ли стоит недооценивать. Это объясняется реальной дезориентацией ученых в условиях идеологического пресса, опасавшихся обвинений в том или ином «уклоне» от генеральной линии партии в процессе научно-педагогической деятельности. Эту обеспокоенность отразил в своем письме от 29 июня 1952 г. декан Московского заочного педагогического института А.Г. Спиркин, так обрисовав ситуацию накануне Совещания по вопросам психологии, открывавшегося на следующий день, 30 июня, и продолжавшегося до 5 июля. «Теоретический разброд в высших кругах психологической науки, — писал он, — породил невероятную путаницу в сознании рядовых работников, большой армии преподавателей, которые, не имея до сих пор учебника для вузов, должны каждый по-своему излагать курс психологии. Особенно серьезное недовольство испытывает молодежь, которая не может всерьез, с доверием учиться у своих руководителей, сознавая их полное теоретическое банкротство» [Там же: 155]. На значительность последующей рефлексии прошедшего Совещания указывается и в историографии. Как отмечали А.Л. Журавлев и Н.Ю. Стоюхина, «читая доклады, порой кажется, что они буквально тонут в клятвах верности учению И.П. Павлова, трудам по языкознанию И.В. Сталина; это так и не совсем так. В текстах можно обнаружить множество историко-психологических сюжетов, описать которые еще только предстоит. Один из них — спор между теми, кто стоял на основе принципа единства психики и нервной деятельности» [Журавлев, Стоюхина: 77].

Внештатный научный сотрудник Института истории СССР АН СССР И. Зибберфарб также надеялся получить от Сталина ответ на вопрос, какая позиция является правильной. «Но кто из них прав... — рассуждал он, — ...те, кто считает, что некоторые идеи великих социалистов-утопистов, будучи критически переработаны Марксом и Энгельсом, оказались поглощены их учением и тем самым стали

в историческом смысле одной из составных частей марксизма, являющегося по своей революционной научной сущности не голым отрицанием всех достижений человеческой мысли предыдущего периода, а диалектическим их отрицанием? Или же те, которые полагают, что поскольку возникновение марксизма было величайшей революцией в истории философии и науки об обществе, не может быть и речи о преемственной связи научного социализма с социализмом утопическим?» [Последние письма Сталину: 254]. В письме, составленном 25 апреля 1952 г., слушатель Института повышения квалификации преподавателей марксизма-ленинизма при МГУ А.Е. Калошин просил «дорогого Иосифа Виссарионовича» дать «краткое разъяснение» по следующим вопросам: «как понимать экономический закон обязательного соответствия производственных отношений характеру производительных сил, — как закон, присущий только социалистическому обществу, или как закон, относящийся ко всем общественным формациям?; сохраняют ли свою силу законы капитализма для переходного периода от капитализма к социализму? <...> Если да, то какие законы и в какой степени сохраняют свою силу для переходного периода?» [Там же: 93—94].

Заключение-эпилог: «к сожалению, аракчеевщина у нас не прекращается...» (П.Л. Капица)

Подводя итоги, отметим, что в поле нашего зрения попала лишь малая часть корреспонденции, которая была предназначена для прочтения самим И.В. Сталиным или иными партийно-государственными деятелями из его окружения. Проанализированные эпистолярные фрагменты интересны тем, что в них можно усмотреть стратегию формирования интеллектуального иммунитета, поскольку многие представители научной, педагогической интеллигенции использовали политический дискурс эпохи для абстрагирования от него, сохранения собственной сущности и ценностей. Как отмечали Б. Штудер и Б. Уинфрид, «формулы критики и самокритики представляли также защиту. При правильной и адекватной ситуации применения за ними можно было скрыть свой внутренний мир» [Штудер, Уинфрид: 114]. Иногда для доказательства своей правоты требовалось больше усилий, что обычно проявляли более настойчивые люди из «средних страт», как, например, вышеупомянутая Н.Н. Локтева. Она нашла в себе силы, чтобы пройти все инстанции — после исключения из партии в 1952 г. добиться аудиенции у Г.М. Маленкова и возобновить «расследование», в результате которого эта суровая для того времени санкция на основе апелляции была сначала заменена выговором, объявленным КПК при ЦК КПСС, а затем в 1955 г. снятым по просьбе Ленинградского обкома КПСС.

Известные и публичные ученые, например, академик П.Л. Капица, пытались, насколько это было возможно, максимально объективно, последовательно излагать свои доводы, донести сожаление от последствий атак на научное сообщество и культуру. «После Вашей статьи о языкознании, — откровенно констатировал Капица в письме от 30 июля 1952 г., — к сожалению, аракчеевщина у нас не прекращается... Я лично самую вредную форму аракчеевщины нахожу тогда, когда, чтобы исключить возможность неудач в творческой научной работе, ее пытаются взять под фельдфебельский контроль» [Последние письма Сталину: 219].

Если говорить об эпистолярном кластере, поступившем на имя кремлевского диктатора в последние месяцы его жизни, январь — март 1953 г., то в изученном сборнике документов он занимает незначительное место и представлен всего одиннадцатью документами (№ 138—149), но тем не менее вполне достаточными для репрезентации феномена сопричастности к власти и атмосферы

идеологической индоктринации. Например, письмо инженера-кораблестроителя А.И. Смирнова, написанное 10 февраля 1953 г., было оформлено (озаглавлено) в виде заявления, в котором он обращался к Сталину именно как к депутату Верховного Совета СССР. Автор просил «главного депутата» страны «проверить действия и некоторых специалистов-евреев», убежденность в проведении «антигосударственной линии» которых возникла у него после того, как он узнал из печати (Судя по всему, из известной статьи, опубликованной в газете «Правда» 13 января 1953 г. [Подлые шпионы]. — *К. Ю.*), что «при кремлевской больнице вскрыта группа евреев-убийц» и на волне возмущения «происками окружающих нас капиталистов и внутренних врагов, диверсантов и вредителей» [Последние письма Сталину: 492]. Сильно впечатленным от проведенного в ноябре 1952 г. показательного процесса Сланского, когда ряд высокопоставленных деятелей коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) был обвинен в «троцкистско-сионистско-титовском заговоре», оказался в СССР ответственный секретарь газеты «Челнок» комбината «Красная роза» С.О. Берман, предложивший «родному Иосифу Виссарионовичу» организовать митинг или иную форму общественного протеста, чтобы «поднять свой голос, голос советских евреев, строящих вместе со всеми народами нашей страны светлое здание коммунизма, против злодеяний еврейской реакции, идущей на поводу американских врагов мира» [Там же: 497].

Все эти аспекты повседневности советского общества, творческой интеллигенции требуют дальнейшего изучения, особенно в рамках переходного периода от позднего сталинизма к «ранней» десталинизации, когда, как показывают исследователи, даже после смерти И.В. Сталина была очень сильна инерция, и никакие «сигналы» сверху не могли обеспечить мгновенную остановку политических кампаний [Шадрин: 515].

Список источников

- Выписка из протокола № 67 заседания бюро Псковского обкома ВКП(б) 23.02. 1950 г. «О демонстрации на курорте “Хилово” киножурнала “Ленинград встречает победителей” с наличием в нем запрещенных кадров о Кузнецове А.А. и Попкове П.С. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 428. Л. 35—36.
- Подлые шпионы и убийцы под маской профессоров-врачей // Правда. 1953. 13 января.
- Последние письма Сталину. 1952—1953 гг. Реконструкция документального комплекса. М.: ПЭН, 2015. 542 с.

Список литературы / References

- Блюм А., Веспале М. Бюрократическая анархия: Статистика и власть при Сталине. М.: РОССПЭН, 2006. 328 с.
- (Blum A., Vespule M. Bureaucratic anarchy: statistics and power under Stalin, Moscow, 2006, 328 p. — In Russ.)
- Волобуев О.В. О Мотивации отбора корреспонденции для Сталина (по сводкам писем 1947 г.) // Вестник Московского государственного областного университета. 2013. № 4. С. 28—37.
- (Volobuev O.V. On the motivation for selecting correspondence for Stalin (based on letter summaries of 1947), *Bulletin of the Moscow State Regional University*, 2013, no. 4, pp. 28—37. — In Russ.)
- «Враг номер один» в символической политике кинематографий СССР и США периода Холодной войны / под ред. О.В. Рябова. М.: Аспект Пресс, 2023. 400 с.
- (“Enemy Number One” in the symbolic politics of the USSR and USA cinematography during the Cold War, ed. by O.V. Ryabov, Moscow, 2023, 400 p. — In Russ.)

- Генина Е.С., Овчинников В.А. Кампания по борьбе с космополитизмом в СССР (отечественная историография проблемы 2010-х — начала 2020-х гг.) // СибСкрипт. 2024. Т. 26, № 6. С. 929—939.
- (Genina E.S., Ovchinnikov V.A. Campaign to combat cosmopolitanism in the USSR (domestic historiography of the problem of the 2010's — early 2020's), *SibScript*, 2024, vol. 26, iss. 6, pp. 929—939. — In Russ.)
- Егоров С.Г., Чупина И.П., Зарубина Е.В., Синько В.Н., Шиловцев А.В. «Вот на этой фигуре и будем воспитывать кадры»: к вопросу о методах руководства региональной номенклатурой в начале 1950-х гг. // Российский научный вестник. 2025. № 9. С. 296—300.
- (Egorov S.G., Chupina I.P., Zarubina E.V., Sinko V.N., Shilovtsev A.V. “We will train our personnel on this figure”: on the methods of leading the regional nomenclature in the early 1950's, *Russian Scientific Bulletin*, 2025, iss. 9, pp. 296—300. — In Russ.)
- Журавлев А.Л., Стоюхина Н.Ю. Совещание по вопросам психологии 1952 г. (к 70-летию проведения) // Психологический журнал. 2022. Т. 43, № 5. С. 71—80.
- (Zhuravlev A.L., Stoyukhina N.Yu. Meeting on psychology issues in 1952 (on the 70th anniversary of the meeting), *Psychological Journal*, 2022, vol. 43, iss. 5, pp. 71—80. — In Russ.)
- Зайцев П.Л. «Письмо товарищу Сталину» как исповедальная форма самосознания советской интеллигенции // Омский научный вестник. 2015. № 3 (139). С. 56—61.
- (Zaitsev P.L. “Letter to comrade Stalin” as a confessional form of self-awareness of the Soviet intelligentsia, *Omsk Scientific Bulletin*, 2015, iss. 3 (139), pp. 56—61. — In Russ.)
- Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945—1953. М.: РОССПЭН, 1999. 229 с.
- (Zubkova E.Yu. Post-war Soviet society: politics and everyday life. 1945—1953, Moscow, 1999, 229 p. — In Russ.)
- Иллерицкая Н.В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: История. Политология. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12—20.
- (Illeritskaya N.V. “The history of everyday life” in the context of modern historiography, *Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Series: History. Political Science. International Relations*, 2022, iss 2, pp. 12—20. — In Russ.)
- Кобозева З.М. «Повседневные практики» в «истории повседневности»: как работает метод // Вестник Самарского университета. Серия: История, педагогика, филология. 2021. Т. 27, № 1. С. 32—38.
- (Kobozeva Z.M. “Everyday practices” in the “History of everyday life”: how the method works, *Bulletin of Samara University. Series: History, Pedagogy, Philology*, 2021, vol. 27, iss. 1, pp. 32—38. — In Russ.)
- Мозохин О.Б. Неотправленное письмо академика М.С. Грушевского И.В. Сталину // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. 2019. № 2 (17). С. 70—88.
- (Mozokhin O.B. Unsent letter from Academician M.S. Grushevsky to I.V. Stalin, *Journal of Russian and East European Historical Studies*, 2019, iss. 2 (17), pp. 70—88. — In Russ.)
- Назарцев Б.И. Ученый и власть (неотправленные письма Л.А. и Е.И. Орбели Сталину) // Петербургская библиотечная школа. 2013. № 3 (43). С. 15—23.
- (Nazarzev B.I. The Scientist and the Government (unsent letters from L.A. and E.I. Orbeli to Stalin), *St. Petersburg Library School*, 2013, iss. 3 (43), pp. 15—23. — In Russ.)
- Орлов И.Б. Письма во власть в системе властных коммуникаций // Российская история. 2022. № 1. С. 217—221.
- (Orlov I.B. Letters to the government in the system of government communications, *Russian History*, 2022, iss. 1, pp. 217—221. — In Russ.)
- Попова О.Д. «Письма во власть» как источник изучения советской повседневности в условиях мозаичности социального пространства во второй половине XX века // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2025. № 3 (58). С. 551—561.

- (Popova O.D. “Letters to the Authorities” as a source of studying soviet everyday life in the context of the mosaic social space in the second half of the 20th century, *Scientific Notes of Novgorod State University*, 2025, iss. 3 (58), pp. 551—561. — In Russ.)
- Пушкарева Н.Л., Lyubichankovskiy С.В. Понимание истории повседневности в современных исторических исследованиях: от школы Анналов к Российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2014. Т. 4, № 1. С. 7—21.
- Pushkareva N.L., Lyubichankovsky S.V. Understanding the history of everyday life in modern historical research: from the Annales school to the Russian philosophical school, *Bulletin of Leningrad State University named after A.S. Pushkin*, 2014, vol. 4, iss. 1, pp. 7—21. — In Russ.)
- Рущинская И.И. «И.В. Сталин читает письмо В.И. Ленина»: визуальные нарративы в советском изобразительном искусстве // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. С. 219—234.
- Rutsinskaya, I.I. “I.V. Stalin reads a letter from V.I. Lenin”: visual narratives in soviet fine art, *Dialogue with Time*, 2020, iss. 70, pp. 219—234. — In Russ.)
- Рябов О.В. Спортивный дискурс в политике советской идентичности периода холодной войны // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2025. № 6. С. 34—51.
- (Riabov O.V. “Sport discourse in the Cold War policy of Soviet identity”, *RSUH/RGGU Bulletin Series “Political Science. History. International Relations”*, 2025, no. 6, pp. 34—51. — In Russ.)
- Хлевнюк О.В., Горлицкий Й. Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М.: НЛО, 2024. 432 с.
- (Khlevnyuk O.V., Gorlitsky Y. Secretaries. Regional networks in the USSR from Stalin to Brezhnev, Moscow, 2024, 432 p. — In Russ.)
- Шадрина А.В. За рыжики и против белых грибов: рецидив антисемитской кампании в отдельно взятом оперном театре // 1953-й. Подведение итогов и выбор пути: материалы XV международной научной конференции. Екатеринбург, 21 — 24 июля 2023. М.: ПЭН, 2023. С. 510—515.
- (Shadrina A.V. For the russula and against the boletus: a relapse of the anti-semitic campaign in a single opera house, 1953. *Summing up and choosing a path: materials of the XV international scientific conference. Yekaterinburg, July 21—24, 2023*, Moscow, 2023, pp. 510—515. — In Russ.)
- Штудер Б., Уинфрид Б. Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. М.: РОССПЭН, 2011. 247 с.
- (Studer B., Winfried B. Stalin's party cadres. Identity practices and discourses in the Soviet Union of the 1930's, Moscow, 2011, 247 p. — In Russ.)
- Юдин К.А. Реорганизации партийно-государственного аппарата СССР и методы политического контроля над региональной номенклатурой во второй половине 1940 — начале 1950-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 63—74.
- Yudin K.A. Reorganizations of the party-state apparatus of the USSR and methods of political control over the regional nomenclature in the second half of the 1940's — early 1950's, *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2015, iss. 4, pp. 63—74. — In Russ.)

“COMRADRE STALIN, FORGIVE ME FOR THIS LONG LETTER...”: POWER AND SOVIET SOCIETY IN EPISTOLARY DISCOURSE (1952—1953)

Kirill A. Yudin

Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo,
Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru

Abstract. The article continues the tradition of studying the phenomenon of “letters to the authorities”. The novelty of the study lies in the attempt, considering the formed historiographic groundwork, the methodology of studying everyday life, and intellectual history, to examine in detail a relatively narrow chronological section — letters sent to I.V. Stalin in

the last years of his life — 1952—1953. Primary attention is paid to ego-documents authored by representatives of the scientific and pedagogical intelligentsia of different status — academicians I.I. Shmalgauzen, P.L. Kapitsa, L.A. Orbeli, I.I. Present, or people whose life path most representatively reflected the institutional and political transformations of the period of late Stalinism. It is concluded that the epistolary discourse was characterized by ambivalence. The forms of ritualized narrative and dialogue generated and incorporated into the mass consciousness by the authorities were reproduced. At the same time, despite the presence of standardized vocabulary, it is shown that the letters contained individualized strategies of self-defense. They were manifested in the instrumental use of the practices of “criticism and self-criticism” to mitigate the accusations already brought, or the creation of a kind of commemorative-imagological “stent” aimed at launching a mechanism of rehabilitation in the system of party-political control.

Keywords: late Stalinism, ideological campaigns, party-political control, “letters to the authorities”, intellectual history, intelligentsia, imagology, social memory

For citation: Yudin K.A. “Comrade Stalin, forgive me for the long letter...”: power and Soviet society in epistolary discourse (1952—1953), *Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities*, 2026, iss. 2, pp. 131—140.

Статья поступила в редакцию 25.01.2026; одобрена после рецензирования 27.02.2026; принята к публикации 13.03.2026.

The article was submitted 25.01.2026; approved after reviewing 27.02.2026; accepted for publication 13.03.2026

Информация об авторе / Information about the author

Юдин Кирилл Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культурологии, Ивановский государственный химико-технологический университет, г. Иваново, Россия, kirill-yudin.hist@mail.ru

Yudin Kirill Alexandrovich — Doctor of Sciences (History), Professor Department of History and Cultural Studies, Ivanovo State University of Chemistry and Technology, Ivanovo, Russian Federation, kirill-yudin.hist@mail.ru